

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. СОСНОРЫ «ВСАДНИКИ»

Е. В. Болнова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 15 июня 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются стихотворные произведения В. Сосноры, входящие в цикл «Всадники», в которых присутствуют обращения к мотивной и образной системе русских былин. В каждом конкретном случае отмечаются как элементы текста, наследующие былинные традиции, так и моменты принципиального переосмысления русского героического эпоса.

Ключевые слова: В. Соснора, сборник «Всадники», фольклор, былины.

Abstract: the article examines the poetic works of V. Sosnora, included in the cycle “Horsemen”, which contain references to the motivic and figurative system of Russian epics. In each case, both the elements of the text, based on the following epic traditions, and the moments of fundamental rethinking of the Russian heroic epic are noted.

Keywords: V. Sosnora, collection “Horsemen”, folklore, epics.

Невозможно спорить с тем, что фольклор — важнейшая часть культуры народа, оказывающая сильное влияние на художников, писателей, поэтов и музыкантов. Кто-то сознательно обращается к разработке фольклорных тем, мотивов и образов в своем творчестве, у кого-то прослеживается опосредованное влияние. В. А. Соснора относится к авторам, для которых взаимодействие с предшествующим культурным полем крайне важно. Существенная часть созданных им текстов насыщена аллюзиями, реминисценциями, прямыми цитатами. Однако В. А. Соснора, как нам кажется, ориентируется в большей степени на авторскую художественную литературу, при этом народное творчество присутствует в его произведениях через обращение к отдельным образам, большая часть которых также имеет весьма внушительную «книжную» историю.

В сборнике «Всадники», принесшем В. А. Сосноре известность и вышедшем с предисловием академика Д. С. Лихачева, в стихотворении «Пир Владимира» возникает сюжетная ситуация, характерная для былин и часто в них встречающаяся. Действие происходит на пиру у князя Владимира, который именуется «Красным Солнцем». Князь наносит оскорбление своим дружинникам, поскольку им подали липовые ложки, а не серебряные, что и было воспринято всеми крайне негативно. Если в былинах события, происходящие во время пира, зачастую напрямую влияют на последующие героические подвиги (былина о Дунае, былина об Алеше и Тугарине, о Добрыне и змее, былины о ссоре Ильи и князя Владимира и т.д.), то в произведении В. А. Сосноры никакого развития данная ситуация не получает. Текст построен как песня с характерным припевом:

Выдав на бойню отару,
бубен добыл берендей.

Купно придвинуты чары.

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!

Очень обижен Добрыня —

крутит чупрыжную аж:

— Вот что, Владимир,
отныне

ты мне, племяш, — не племяш.

Красное Солнце,

не гоже

ложке шуршать на губе.

Тьфу!

Деревянные ложки! —

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей! [1, 24–25]

Таким образом, былинная ситуация конфликта князя с богатырем оборачивается в стихотворении В. А. Сосноры бытовой неурядицей и лишается высокого героического разрешения, в котором проявлялся характер богатыря. Былинный героический пафос, сделавшийся к середине XX века общим местом большей части художественных текстов, использующих тематику и образную систему фольклорных произведений, фактически отрицается автором «Пира Владимира».

Можно сказать, что во «Всадниках» В. А. Соснора создает собственный «альтернативный» фольклор. Так, важнейшими образами становятся образы калик, возникающие в целом ряде текстов. Так, в стихотворении «Калики» обыгрывается ситуация супружеской неверности княгини Апраксии князю Владимиру, которая неоднократно встречается и в былинах:

Приходили калики к Владимиру.
Развлекали Владимира песенками.
И поили их винами дивными.
И кормили заморскими персиками.
Только стольники-прихлебатели
на калик возводили напраслину:
будто

утром

певучая братия

блуд вершила с княгиней Апраксией [1, 27]

В поэтическом мире В. А. Сосноры интенция смещается с богатырей и дружинников на певцов. Эта интерпретация выглядит логическим продолжением и развитием «Песни о весте Олеге» А. С. Пушкина, в которой автор осмысляет соотношение власти земной и небесной, силу оружия и силу слова. Но если А. С. Пушкин все же не отрицает героизма Олега, воплощающего земную власть и физическую силу, то В. А. Соснора практически отказывается от изображения «парадной» стороны жизни условной Древней Руси (в таких стихотворениях, как «Рогнеда», «Бой Мстислава с Редедой» и др. изображены картины, творчески значительно переосмысляющие первоисточник [2]). В своих произведениях он создает картину жизни «низов», людей, казалось бы, не влияющих на развитие истории: завсегдатаев кабаков, скоморохов, калик. В качестве параллели может быть приведен сюжет былины о ссоре Ильи и князя Владимира, когда обиженный на пиру у князя Илья устраивает собственный пир и приглашает на него простолюдинов.

В сборник стихотворений «Всадники» входит и цикл «Соловей-разбойник», состоящий из восьми текстов. В основе лежат былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Однако автор прибегает не к стихотворному переложению, а к полному переосмыслению исходного материала, внося серьезные изменения и в сюжет, и в образную систему, и в смысловое наполнение. Так, в произведении В. А. Сосноры Илья Муромец сидит в темнице в тот момент, когда Соловей-разбойник начинает грабить под Киевом проезжих. Этот сюжет позаимствован из круга былин об Илье Муромце и царе Калине и песне о бунте Ильи. Согласно этим произведениям к Киеву подходит войско татар во главе с царем Калиной, в столице не оказывается богатырей из-за конфликта с Владимиром. Илья Муромец к этому времени чаще всего сидит уже длительное время в темнице, куда посажен Владимиром. В. Я. Пропп пишет о данном сюжете следующее: «В былинной о Калине Евпраксия проявляет больше мужества, чем Владимир. Евпраксией в этих случаях названа дочь или жена Владимира. Ее образ — образ героической женщины. В противоположность Владимиру, она во всем держит руку богатырей. Когда Владимир приговорил Илью к погребу, она тайно от отца или мужа спасла его, приказав прокопать к погребу подземный ход, и в течение ряда

лет сама носила туда пищу и снабжала Илью всем необходимым, вплоть до подушек и одеял. В этом она теперь признается. Илья жив, город будет спасен.

Владимир не хочет ей верить и грозит снести ей голову. В ответ на это она предлагает ему спуститься в погреб.

Сцена в погребу принадлежит к самым значительным во всем русском эпосе как по своему драматизму, так и по глубине замысла. Она не исторична в том смысле, что подобной сцены фактически никогда не происходило. Но она глубоко исторична в том, что в ней обобщен огромный исторический опыт. Только сам народ, руководимый своими, а не чуждыми ему вождями, может спасти родину» [3, 321].

Свист Соловья не просто причиняет вред всем, кто его слышит, за счет физических свойств, он приравнивается к разрушительному мятежному началу общей вольницы:

Перепуганы бояре,

тараторят, вящие:

— Будоражит смердов ярость

по ярам и чащам,

наши клади —

о проклятье! —

грабят,

а иконы

топчут,

не бывать прохладе

на Руси николю.

Наши головы с-с-сымерды

разрубают плавно

на квадраты,

будто это

овощи,

не главы.

Наши головы к скворешням

вешают мальчишки.

Княже,

приструни скорейше

Соловья — зачинщика.

Этот свист

и эти песни

надо —

под корягу [1, 80--81].

Таким образом, Соловей-разбойник становится не просто былинным героем, но мятежником, одним из первых поднявшим народное восстание на Руси. Естественно, такая «революционная» трактовка была невозможно во время создания и активного бытования былинного эпоса, но не противоречила духу времени в начале 60-х гг. XX века. О Соловье-разбойнике В. Я. Пропп замечает следующее: «Слово «разбойник» следует понимать не в буквальном, а в более широком, обобщенном смысле, подобно тому как слово «вор» в народном языке имеет очень широкое значение. Соловей-разбойник никогда никого не грабит. Что в народном понимании Соловей не рассматри-

вается как разбойник в узком смысле этого слова, видно по тому, что существует другая былина, в которой поется о встрече Ильи с действительными разбойниками, по-народному именуемыми «станичниками». В этой былине Илья наталкивается на шайку грабителей: они хотят его ограбить, он же пускает свою стрелу в дуб, разбивает этот дуб в щепы и тем наводит на разбойников страх и разгоняет их шайку или даже убивает всех до единого. Былина о встрече с разбойниками часто контаминируется с былиной о Соловье-разбойнике; это означает, что былина о станичниках и о Соловье-разбойнике, а следовательно, и действующие лица их — явления совершенно разного порядка. Когда народ говорит о разбойниках, он называет их разбойниками или станичниками и заставляет действовать по-разбойничьи. Соловей же не разбойник в обычном понимании этого слова.

Чтобы решить вопрос о том, чем в народном сознании представляется Соловей-разбойник, необходимо рассмотреть весь ход встречи с ним Ильи.

Препятствие, ожидающее Илью на пути между Киевом и Черниговом, чаще всего в былинах именуется «заставой». Неоднократно говорится о трех заставах — о лесе и болоте, о реке, о Соловье-разбойнике. Легко заметить, что «лес», «болото» и «река» являются эпическим утроением. Трех застав нет, а есть только одна: Соловей находится в лесу и очень часто у реки.

Слово «застава» в былине имеет очень точный и совершенно определенный смысл. В былине об Илье и его сыне на богатырской заставе находятся лучшие богатыри и охраняют государственные границы и подступы к Киеву. Застава — это пограничный сторожевой пост, задерживающий нарушителей границы.

Но в отличие от этой богатырской заставы застава Соловья — вражеская. Соловей преграждает путь на Киев, и в этом состоит главный вред, наносимый им.

Дорога заросла лесом, ее давно уже нет, и многие певцы поют о том, что Илья эту дорогу прокладывает, чтобы добраться до Соловья.

Такая роль Соловья устойчива по всем былинам. Никакого другого вреда он не наносит. Он не похищает женщин, как змей в былине о Добрыне-змееборце, и он не грабит людей уже потому, что мимо него никто не проезжает» [3, 250–251]. Меняется в авторской трактовке и поведение Ильи Муромца. Сам герой достаточно противоречив, как и в былинах, рассказывающих о его подвигах: богатырь не надеется на божью помощь, он оспаривает власть князя Владимира, за что и был посажен в темницу:

Но на Муромце нема креста.

Потому-то богатырь давно

ни идолищу,

ни богу

не угоден,

что уверовал только в бревно,
на котором коротает годы.

Неспроста,

не за пустяк сюда

усадил богатыря государь.

Говорил властелину Илья:

— Или ты води дружину,

или я. [1, 79–80]

В былинах о бунте Ильи против Владимира упоминаются иные причины, приведшие к заточению Ильи. В. Я. Пропп перечисляет основные из них: «Такова одна причина конфликта: он возникает из-за подарка, оскорбляющего богатырскую честь Ильи. Другой повод к ссоре состоит в том, что Илью не зовут на пир, а когда он приходит, указывают ему недостаточно почетное место» [3, 294]. «Илья не может остаться равнодушным к оказанному ему бесчестью и начинает проявлять свою богатырскую силу в весьма ярких формах. Он, выражаясь по-былинному, начинает «потешаться», то есть издеваться, над тем, что происходит. Проявляется это в различных формах» [3, 296]. Владимир «приходит в ярость и на этот раз приказывает казнить Илью мучительной смертью:

Вскричал князь Владимир стольно-киевский

Своим громким голосом:

«Посадить его в погреб глубокие,

В глубокий погреб да сорока сажень,

Не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней,

Да пусть он помрет, собака, и с голоду».

(Гильф. 257)

Приказ Владимира всегда в точности выполняется: Илью засаживают в глубокий погреб, закрывают погреб решеткой, запирают его и сверх того закладывают яму камнем или засыпают ее песком» [3, 299].

Очевидно, что изменение внутреннего наполнения образов главных героев не могло не повлечь за собой и изменения поведения. Так, Илья опознает в Соловье друга и товарища, отказывается от борьбы с ним. Их встреча стилистически выстроена автором как встреча двух равных:

— Здорово, рванное ухо!

— Здорово, Илья, старый хрен!

...— Э, брось шебушиться, дьявол,

что ссориться?

Лучше — выпьем.

Слезай, Соловей,

ты

да я

да

мы — двое в России пасынков... [1, 82]

Очевидно, что отказ от борьбы был невозможен для былинного богатыря. Возвращаясь к сюжету, связанному с борьбой Ильи Муромца против царя Калины, необходимо отметить, что В. Я. Пропп задается вопросом о том, почему герой соглашается вступить в бой после тех обид, что нанес ему Владимир: «Что произойдет? Откажется ли Илья оказать помощь? Со-

вершенно очевидно, что это невозможно, что Илья не может оставить родину на поругание татарам» [3, 321]. Герой В. А. Сосноры оказывается ближе к более поздним образам бунтовщиков и мятежников, о чем и сигнализирует его поведение в стихотворении:

— Удави, Илейко,
буянщика! —
завизжала жалобно Апраксия.
Но сказал Илья:
— Я не я.
Посмотреть на шиш не угодно? —

Хохотнул Соловей,
хохотнул Илья.
И уехали рядом из города [1, 83].

Контаминируя и видоизменяя сюжеты, В. А. Соснора, как уже было показано, трансформирует и былинную систему образов. Это в полной мере относится и к образу Апраксии. В цикле «Соловей-разбойник» она предстает женой Владимира (напомним, что в былинах ее роль обозначена по-разному, героиня упоминается и в качестве жены, и в качестве дочери князя), под стать своему мужу:

Говорит Апраксия-жена,
в меру умственная,
прекрасна
и жирна... [1, 78]

Упоминается и о неверности княгини. Причем из слов Соловья-разбойника можно понять, что у нее была любовная связь в том числе и с Ильей Муромцем:

Как в Киеве?
Так же пашни
Владимир оброком забрасывает?
По-прежнему крутит
шашни
с богатырями Апраксия?
Небось княжна наставляла
тебе
рогатое имя? [1, 82]

Как уже отмечалось, в былинах об Илье и царе Калине образ Евпраксии выстроен совсем иначе. Она выступает спасительницей Ильи Муромца от смерти в тюрьме, она встает на сторону богатыря в его конфликте с Владимиром и пытается уговорить Илью Муромца в тех случаях, когда он отказывается сражаться с татарами. Образ Апраксии в стихотворении В. А. Сосноры восходит к другим былинам, в которых образ героини представлен иначе: к былинам о Дунае, в которой описано сватовство Владимира через богатыря и пренебрежение, выказанное иноземной принцессой Евпраксеей. Неверность Евпраксии зафиксирована и в былинах об Алеше Поповиче и Тугарине-змее. В. Я. Пропп пишет о данном сюжете следующее: «То, что Алеша видит дальше, может быть еще более удивительно, чем появление Тугарина: Тугарин в присутствии гостей и самого Владимира держит себя с Евпраксией настолько вольно, что ис-

тинная природа их отношений не оставляет никаких сомнений. Певцы повествуют об этом весьма лаконично и выразительно. К этому на пиру, по-видимому, также все уже привыкли, и никого это не удивляет и не возмущает: наоборот, сама Евпраксия проявляет знаки явной благосклонности и расположения к Тугарину» [3, 220].

Образ князя Владимира в цикле В. А. Сосноры ближе к былинному и по основным признакам продолжает народную традицию: он труслив, лжив и жесток. Ярче всего это проявляется в шестом стихотворении цикла:

У Владимира хворость —
колики.
Князь рычит под медвежьей
полостью:

— Закричи, Соловей,
в полный крик,
засвисти, Соловей,
в полный свист. —
Закричал Соловей
вполкрика,
засвистел вполсвиста,
но весело.

И в подоле у Апраксии —
мокренько,
и в штанах у Владимира —
увесисто [1, 82–83].

Поведение Владимира в приведенном фрагменте стихотворения сопоставимо с поведением князя Владимира в былинах об Илье Муромце и царе Калине. Разные певцы по-разному передают реакцию князя на угрозу захвата Киева татарами, но все они сходны в одном: Владимир ведет себя трусливо и не готов сам бороться за спасение столицы: «Как «Владимир реагирует на обрушившееся на Киев бедствие?

Тут-то Владимир-князь испугается,
Его резвые ноги подсекаются,
И белые руки опустились,
И буйная голова зачем с плеч не катится?
(Тих. и Милл. 9)

Последняя строчка указывает на то, что Владимир готов от испуга и отчаяния покончить с собой, что он желает умереть. Чаще всего Владимир просто плачет:

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горячие,
Шелковым платком князь утирается.
(Гильф. 75)

У Крюковой он падает в обморок, так что его уносят в спальню:

А и помутились очи ясные, призакрылись,
А понесли князя Владимира во постелечку
во спальную ту,
А со печали со досады разболелся князь.
(Крюк. 3)» [3, 317–318]

Трансформация образов Ильи Муромца и Соловья-разбойника в поэтическом цикле В. А. Сосноры усиливается появлением в последнем восьмом стихотворении символического мотива свиста, выражающего революционный мятежный дух страны. Неслучайно в этом тексте появление образа сказочного Ивана-дурака, героя, чаще всего страдающего от собственной порядочности и неспособности к подлым поступкам. По словам В. Я. Проппа, «сказка любит контрасты: точно так же именно Иван-дурак оказывается героем, а Чернавка — царевной» [4, 363]. Возможно, именно поэтому призыв В. А. Сосноры обращен к данному герою:

Злющий за бором
свист,
рушит заборы
свист,
слушай разбойный
свист,
ты,
опустивший ус,
вечный Иван-дурак,
приподнимай,
рус,
кол
и кулак
для драк.
Слышишь:
свист
от подземных искр
до заоблачных верхов...
Как бы ни было тошно,
а свист
над Россией
испокон
веков [1, 84].

Думается, что именно в этом ключе стоит интерпретировать соединение нехарактерного для былин названия страны «Россия» и традиционной словесной формулы «испокон веков» — перед читателем почти не завуалированная попытка протянуть связующую нить между былинным прошлым и современным автору настоящим. Данная концепция коррелирует с опубликованными исследованиями в области функционирования фольклорных мотивов и образов, как в сборнике «Всадники», так и в других произведениях В. А. Сосноры [5, 6, 7, 8, 9]. Проведенное исследование не противоречит наблюдениям над поэтическим языком В. А. Сосноры, сделанным Л. В. Зубовой [10, 11], а также укладывается

в концепцию автомифотворчества, предложенную в статье Е. И. Зейферт [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соснора В. Стихотворения / В. А. Соснора. — СПб., М.: Пальмира, 2018. 910 с.
2. Ковалева Т. И. Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) / Т. И. Ковалева, И. Е. Лощилов // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 166–179.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — М.: Гослитиздат, 1958. — 605 с.
4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 608 с.
5. Болнова Е. В. Сказочные мотивы и образы в сборнике стихотворений В. Сосноры «Всадники» / Е. В. Болнова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2023. — № 3 (19). — С. 9–21.
6. Болнова Е. В. Фольклорные мотивы и образы в поэтических сборниках В. Сосноры 1960-х гг. / Е. В. Болнова // Грехнёвские чтения-XIV: Литературное произведение в системе контекстов. Сборник докладов Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2023б. — С. 81–101.
7. Ковалева Т. И. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) / Т. И. Ковалева, И. Е. Лощилов // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 166–179.
8. Ковалева Т. И. Стихотворение Виктора Сосноры «Рогнеда»: источник сюжета, поэтика и контексты / Т. И. Ковалева, И. Е. Лощилов // Литература и история в контексте археографии. — 2022. — С. 266–289.
9. Ковалева Т. И. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры / Т. И. Ковалева, И. Е. Лощилов // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 4. — С. 9–21.
10. Зубова Л. В. Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора / Л. В. Зубова // Теоретические проблемы языкознания. СПб.: Изд-ва СПбГУ, 2004. С. 596–606.
11. Зубова Л. В. Языки современной поэзии / Л. В. Зубова. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 384 с.
12. Зейферт Е. И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы / Е. И. Зейферт // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 13 (881). — С. 123–130.

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Болнова Е. В., кандидат филологических наук, старший
преподаватель кафедры русской литературы Института
филологии и журналистики
E-mail: eka332@yandex.ru

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Bolnova E. V., Candidate of Philological Sciences, Assistant
Lecturer of the Department of Russian Literature at the Institute
of Philology and Journalism
E-mail: eka332@yandex.ru